

У Кэна подкосились ноги при виде этой жуткой картины. Конечно, во время испытаний в Обители Душ его самого не раз забивали до полусмерти, но одно дело — привычные игровые условности, и совсем другое — воочию наблюдать, как прямо перед тобой живому человеку сносят голову.

Словно почувствовав его слабость, Асакура Хао вскинул руку, сложив пальцы в жесте заклинания. Из его широкого рукава хлынул рой белоснежных бумажных амулетов-офъуда. Послушные воле мастера, они мгновенно, словно погребальный саван, спеленали обезглавленное тело Докэя и его отсеченную голову, превратив их в бесформенные белые коконы.

Кое-как переборов дрожь в коленях, Кэн поднялся на ноги. Из-за его спины все еще доносился безумный, леденящий душу хохот Девы Часа Быка, отчего атмосфера в пещере становилась и вовсе зловещей.

Кэн взмахнул рукой, отзывая призванного духа, и Дева Часа Быка послушно растаяла в воздухе. Юноша осторожно обошел лежащие на земле свертки.

— Господин Хао... — негромко позвал он, сиюсь унять дрожь в голосе. — Мы... мы ведь справились? Очищение завершено?

— Разумеется, — с мягкой улыбкой кивнул Хао. — Раз уж Докэй из последних сил рвался именно сюда, в этих глубинах скрыто нечто важное. Я собираюсь осмотреться. Пойдешь со мной?

— Пожалуйста, не оставляйте меня здесь! — поспешно взмолился Кэн.

Он опасливо покосился на белые коконы у своих ног, и в памяти тут же всплыли гроздь мертвецов, качающиеся у входа подобно вяленому мясу. Остаться в этом жутком подземелье в одиночку? Да ни за что на свете.

Хао ласково коснулся его макушки:

— Тебе нельзя поддаваться страху. Степень мастерства онмёдзи куется в битвах с демонами и неприкаянными духами. Стоит нам проявить хотя бы каплю слабости перед лицом тьмы, и мы проиграем еще до того, как обнажим мечи или сотворим заклятие.

— Да... конечно, господин Хао... — Кэн растерянно прижал ладонь к волосам там, где только что лежали пальцы мастера.

Он и не подозревал, насколько мило и незащитно выглядел со стороны в этот момент. Справившись со смущением, юноша почтительно поклонился:

— Благодарю за наставление.

— Не стоит благодарности, — улыбнулся Хао и увлек его за собой вглубь темного прохода.

Подземный ход явно прорубили в скале много веков назад. Должно быть, кто-то еще в древности пытался подчинить себе силу священных шелковиц. Стены за алтарным залом поросли густой паутиной шелковых нитей, плотно льнущих к камню. В пазах тускло коптели факелы, но обычный огонь не мог причинить вреда этому дьявольскому шелку. В нишах по обе стороны коридора Кэн приметил огромные плетеные короба-цудзура, от одного вида которых веяло могильным холодом. Хао мимоходом запечатывал их очищающими талисманами, намереваясь позже предать все это нечестивое барахло огню.

Поплутав по подземным переходам, они вышли к просторной, ухоженной каверне. В отличие от сырых коридоров, здесь было чисто: вдоль стен громоздились тяжелые стеллажи со свитками, а у верстаков застыли грубо вытесанные деревянные марионетки. Похоже, именно в этой тайной обители Докэй предавался своим темным изысканиям, пытаясь разгадать секрет запретного ритуала Кюон.

Хао неторопливо прошелся по комнате, затеплил стоявший в центре светильник и взял со стола один из свитков. Докэй скрупулезно документировал свои изуверские опыты, поставленные за последние три месяца. Пробежав глазами убористые строки, мастер лишь разочарованно покачал головой: безумец упустил из виду столь очевидные истины, что его слепота казалась почти нелепой. Неудивительно, что древние духи шелковиц вертели им как послушной куклой.

— Господин Хао? — нарушил тишину Кэн. — Позвольте спросить... почему перед самым концом вы сказали ему те слова?

Хао на мгновение задумался, а затем с тихим смешком покачал головой и посмотрел на юношу:

— Ты ведь всё еще числишься токугёсё в Академии Инь-Ян, верно?

— Да, господин, — торопливо закивал Кэн. — Я только-только начал осваивать плетение заклинаний. А пробуждением духовной силы занялся и вовсе лишь после Нового года.

— Что ж, в таком случае твоя одаренность поразительна, — улыбнулся Хао, не став углубляться в расспросы. — Скажи, на самых первых занятиях наставники ведь предупреждали вас? Стоит духовной силе взбунтоваться и выйти из-под контроля, как человек неизбежно обращается в свирепого демона.

— Да, — Кэн кивнул. Он чувствовал, что за мягким тоном мастера скрывается глубокий смысл.
— Но, признаться, я никогда до конца не понимал сути этих слов.

— Даже теперь, когда ты увидел, во что превратился Докэй? — спокойно спросил Хао.

Кэн испуганно вскинул голову. Тело Докэя осталось далеко позади, в ритуальном зале, но от тихого голоса Хао по спине юноши пробежал ледяной озноб.

— Источник нашей силы — сама душа. И буйство энергии означает лишь одно: дух мага осквернен, — Хао с сухим стуком закрыл тяжелую книгу. — Стоит порочным помыслам пустить корни в сердце, как человек теряет себя, ступает на стезю тьмы и обращается в чудовище. Докэй пал жертвой собственной слепоты. Мелочные обиды и жажда превосходства выжгли его изнутри, превратив в жалкого раба запретного ритуала. Он упорно закрывал глаза на истину, лежавшую на поверхности, и винить в своей гибели ему некого, кроме самого себя.

Произнося это, Хао не мог знать, что пройдут века, и его самого обвинят в том же грехе, а после подло убьют ударом в спину те, кого он когда-то считал соратниками.

Но прошлое и будущее спали во тьме, а настоящее требовало действий. Хао извлек из складок кимоно дневник прежнего настоятеля святилища Кайко-но-Ясиро — того самого несчастного, чье иссохшее тело они обнаружили в потайной комнате главного зала. В своих записях жрец упоминал, что стоило ему лишь раз переступить порог короба-цудзура ради проведения обряда Кюон, как его воля оказалась полностью подавлена. Едва перед ним предстали близнецы-шелковицы, он беспрекословно подчинился их воле, не почувствовав ни тени сомнения. И лишь много позже, выводя тушью строки в дневнике, покойный смутно осознал, насколько чудовищным было это бездумное послушание.

Древние трактаты подтверждали эту страшную догадку: любой, кто осмеливался прибегнуть к запретному таинству Кюон, навеки попадал в рабство к духам-близнецам. Их голоса нашептывали приказы, которым жертва не могла противостоять. Суть ловушки была кристально ясна. Ритуал создавался вовсе не ради дарования бессмертия. Напротив, это изощренное проклятие преследовало лишь одну цель: ломать человеческую волю и превращать неосторожных магов в бездумных марионеток древних деревьев.

Убрав свитки, Хао повернулся к выходу:

— Пора уходить. Господин Доман со своими людьми наверняка уже на подходе.

Он вновь бережно подхватил Кэна на руки. Пусть это со стороны и выглядело так, будто великий мастер переносит какой-то хрупкий груз, Кэн устроился на его надежном плече с полным удобством, не ощущая ни малейшей тряски.

Стоило им выбраться под открытое небо, как из ночной полутьмы с грохотом вылетела призрачная повозка-оборогурума, управляемая самим Асией Доманом.

— Курэха! Уцуки! Докэй, Дорио, Сакуя, Дотин! Вы живы?! — встревоженный, хриплый крик мастера разорвал тишину еще до того, как повозка затормозила.

Огненные вспышки духовной энергии ревели вокруг колес летящей во весь опор оборогурумы. Не дожидаясь, пока экипаж окончательно остановится, Доман на ходу соскочил на землю и бросился к раненым ученикам.

— Учитель... простите нас. Мы подвели вас и покрыли позором ваше имя, — сдерживая слезы, прошептал израненный Дорио.

Убедившись, что его дочери, Курэха и Уцуки, целы и невредимы, Доман облегченно перевел дух. Однако, обернувшись на тихий голос Дорио, он замер: перед ним на окровавленной траве лежали израненные Дорио и Сакуя, а чуть поодаль без чувств покоился Дотин, чье дыхание едва прослушивалось. Докэя же нигде не было видно.

Лицо старого онмёдзи мгновенно посуровело:

— Что здесь произошло? Где Докэй?

— Учитель... Докэй... он предал нас и ступил на путь тьмы, — горько выдохнул Дорио, и голос его сорвался. — Весь этот кошмар — его рук дело.

— Что ты сказал?! — Доман ошеломленно уставился на ученика. — Повтори!

— Господин Доман, что заставило вас столь спешно мчаться сюда под покровом ночи? Неужели стряслась беда? — раздался чистый голос из темноты.

На плечо сломанной ветки опустился белоснежный бумажный журавль. Коснувшись земли, он обратился изящной белой птицей и заговорил человеческим голосом. В этих чуть хриловатых, но исполненных достоинства интонациях все присутствующие мгновенно узнали великого мастера. Дорио и Сакуя послушно склонили головы:

— Приветствуем вас, господин Сэймэй.

— Сэймэй прав, друг мой. Что стряслось? — из кустов мягко выпрыгнул крупный трехцветный кот. Потеревшись о сапог Домана, он также заговорил звучным человеческим голосом.

— Приветствуем вас, господин Камо, — вновь поклонились ученики.

— Духовное эхо от этого места растревожило столичный округ, — хмуро отозвался Доман, стараясь говорить кратко и сдержанно. — Мои ученики и дочери занимались делом знатного господина Фудзивара-но-Ёритики. Обо всех подробностях случившегося я представлю отчет в Онмё-рё завтра утром.

Он умышленно не обронил ни единого слова о предательстве Докэя. Подняв тяжелый взор, Доман заметил приближающегося Хао, который по-прежнему нес на руках растерянного юного

Кэна. При виде великого мастера плечи старого онмёдзи невольно напряглись.

— Что ж, в таком случае мы не станем вам мешать, — промурлыкал кот-посланник, сделав вид, будто не заметил натянутого тона Домана. Он изящно поклонился и растаял в туманной дымке.

Бумажный журавль Сэймэя задержался еще на мгновение. Проследив взглядом за приближающимся Хао, птица тихо рассмеялась:

— Твое могущество растет не по дням, а по часам, господин Асакура. Твоя бушующая духовная сила ощущается даже из центрального квартала столицы. Поистине, молодое поколение наступает на пятки. Остается лишь надеяться, что нам, старикам, не придется совсем скоро бесславно уйти на покой.

— Вы слишком добры ко мне, господин Сэймэй, — вежливо отозвался Хао, бережно опуская Кэна на землю и отвечая на приветствие легким поклоном.

В то же мгновение повиновавшийся его безмолвному приказу бумажный кокон с телом Докэя мягко опустился на траву позади мастера.

Кэн слегка покачнулся, едва коснувшись ногами земли, но быстро обрел равновесие. Услышав, как Хао величает парящую птицу Сэймэем, он испуганно затаил дыхание и поспешил согнуться в глубоком, почтительном поклоне. Перед ним был сам великий Абэ но Сэймэй!

— Оставь церемонии, дитя, — мягко проворковала птица, обращаясь к юноше. — Будет время — заглядывай ко мне в гости, побеседуем. — Затем журавль повернулся к помрачневшему Доману: — Не смею более мешать вашему семейному совету.

С этими словами сикигами вспыхнул искрами золотистого света и растворился в прохладном ночном воздухе.

Когда присутствие великих мастеров окончательно развеялось, Доман сокрушенно вздохнул и поднял глаза на Хао:

— Прости, господин Асакура. Не думал я, что тебе придется стать свидетелем нашего позора.

— Не стоит извинений. Путь онмёдзи тернист, и подобные трагедии, увы, случаются чаще, чем нам хотелось бы, — в голосе Хао не было и тени осуждения, лишь тихая грусть. — И все же... искренне жаль.

За долгие годы службы Доман повидал немало одаренных колдунов, чьи души сожрала тьма. Горькое сочувствие Хао отозвалось в его груди глухой болью. Выпустив из груди тяжелый вздох, старик повернулся к раненому Дорио:

— Рассказывай всё. От самого начала и до конца.

<http://bllate.org/book/18244/1748193>